

Во вторую ночь на окраине чаши, что прилегала к городку Юэчжун, появились две притаившиеся тени.

Ле-эр шёпотом доложил:

— На городской стене преданные сторожевые войска, в руках у них луки и стрелы.

— Вероятно, после сегодняшнего появления государя люди в Юэчжуне насторожились, — говорил Жун Ху, наблюдая при свете луны за высокой городской башней, что была на противоположной стороне.

— Господин Ле...

— Посмотри на меня. — Ле Чжунлю, не показывая ни тени страха, полностью облачился в платье и появился сзади, выйдя из чаши.

Серебристый свет луны больше напоминал иней.

Всё пространство под городской стеной было под надзором стражников, что смотрели сверху вниз, и ни одна тень не могла проскользнуть мимо них незамеченной.

После того как они затаились в чаше, Фэн Мин и несколько человек с небольшим беспокойством наблюдали за Ле Чжунлю, который постепенно приближался к городским воротам.

— Кто? Пароль! — внезапно гаркнул стоящий на городской стене солдат.

Почти через мгновение вся охрана встревожилась, натянула тетиву, и несколько десятков луков полумесяцем были направлены на беззащитного Ле Чжунлю.

У Фэн Мина и его сотоварищей сердце оборвалось.

— Кто? Стой! Ещё шаг, и будем стрелять!

Предупреждение охраны в ночном небе звучало достаточно ясно, однако Ле Чжунлю, словно не слыша, продолжал идти вперёд.

— Ещё двинешься, и тотчас же полетят стрелы!

Но мужчина показал, что не собирается останавливаться. Пройдя немного, он неожиданно зарыдал во весь голос:

— У-у...

Этот ни на волос не заглушённый плач, больше напоминающий скользящее лезвие по стеклу, резал уши, и игнорировать его никак не получалось.

Не только стражники на городской стене, но даже прятавшиеся в лесу Ле-эр и сотоварищи, услышав этот неприятный звук, задрожали от страха.

— У-у... у-у... у-у... у-у... у-у... — Неизвестно, как Ле Чжунлю научился такому мастерству, но, как только он начинал лить слёзы, его плач неожиданно и впрямь заставлял содрогнуться.

Он, высокий взрослый мужчина, в полночь рыдал во весь голос без тени стыда. Плача, он подошёл к городским воротам. Он не стучался в них, лишь всё время ревел, утирая рукавом слёзы и сопли.

Однако стражники на городской стене, чьи луки были наготове, на удивление не стреляли, наоборот, они опустили оружие.

— Это господин Ле?

— Как ты узнал?

— Слова излишни, ты послушай, как он плачет, и сразу поймёшь.

— Так оно и есть. То-то, смотрю, фигура очень знакомая.

Объём лёгких у Ле Чжунлю наверняка был большим, так плакать, что небо могло в глазах покрыться чёрной пеленой тучи, нужно было уметь. Но, к удивлению, мужчина и не думал останавливаться, непрерывно рыдая с видом будто вдоволь хлебнул обид.

Продолжая поднимать вой, мужчина в один миг сел прямо на землю, всё также вытирая рукавом мокрое от слёз лицо.

Охранники на городской стене один за другим вздыхали, качая головой:

— Бедняга.

— Наверняка помощник полководца вновь выгнал его.

— Который раз в этом году?

— Кто помнит? Во всяком случае, не менее десяти раз...

Позади в лесной чаще Фэн Мин и остальные также стали перешёптываться.

— А ты говорил, что его плач совершенно бесполезен.

— Не понимаю. Охрана на городской стене всё же не стреляет. Должно быть, на это есть какая-то причина.

— Если ворота не откроются, то он до рассвета будет плакать?

Ле-эр рассмеялся:

— Так тоже неплохо, шум их до смерти раздражает.

Жун Ху внезапно приглушённым голосом сказал:

— Незачем шутить. Скорее смотри: городские ворота открываются.

Они наблюдали издалека, и сейчас впрямь оказалось, что ворота приоткрылись.

Двое охранников вышли и с сочувствием подошли к сидящему на земле, рыдающему во всё горло, но довольному Ле Чжунлю. Похлопав его по плечу, стражники воодушевлённо проговорили:

— Господин Ле, не нужно плакать, идёмте в город.

Ле Чжунлю, который только и мог, что реветь, отмахнулся от приставучих мужчин.

Охрана же беспомощно проговорила:

— Вам лить слёзы здесь тоже бесполезно, помощник полководца не услышит. В итоге вместо него страдаем мы. Идёмте, войдём, и Вы расскажете, что случилось. Генерал приказал тщательно стеречь городские ворота. Вы знаете, что сегодня приезжал император Силэй и испугал нас до смерти? — Один из охранников многозначительно посмотрел на сослуживца. Они вдвоём, взяв мужчину под руки, подняли и провели его через ворота.

Находящийся вдалеке Ле-эр взволнованно проговорил:

— Эй, он действительно вошёл.

— Теперь всё зависит от Ле Чжунлю. Полчаса — немного, неизвестно, действительно ли он заставит их открыть ворота.

Жун Ху приказал Ле-эру:

— Ты здесь присматривай, следи за любым движением. Князь Мин, прошу, следуйте за мной, вместе вернёмся и доложим императору, так как государь приказал мне ни в коем случае не сводить с Вас глаз.

Жун Ху всегда выполнял приказы Жун Тяня и как никто придавал огромное значение сказанному.

Состроив кислое выражение лица, Фэн Мин был вынужден следовать за юношей.

Зная, что ожидает их сегодня вечером, люди уже давно были наготове. Не прошло и получаса, как войска устроились в засаде в лесной чаще вблизи Юэчжуна. Эта группа хорошо обученных солдат даже прошла особую подготовку и передвигалась совершенно бесшумно.

Сильно переживая, что Фэн Мин убежит куда глаза глядят и столкнётся со смертью, Жун Тянь следил за ним как можно тщательнее, запрещая отходить от себя даже на шаг.

Князь послушно остался возле мужчины. Приблизившись чуть ли не вплотную к коленям Жун Тяня, Фэн Мин посмотрел на плотно закрытые городские ворота, что находились напротив, и прошептал:

— Ты сегодня показал там своё лицо, давая понять, что собираешься штурмовать город, в Юэчжуне люди наверняка насторожились. А смогут ли они раскусить Ле Чжунлю, который вовремя там появился и собирается устроить диверсию?

— Не смогут. — Жун Тянь, чьи глаза в темноте ночи, обращённые к городу, сверкали ярким блеском, словно у решительного охотника, что смотрел на почти пойманную дичь, уверенно проговорил: — Ле Чжунлю сильнее, чем ты думаешь. Он отважился выдвинуть себя, чтобы отправиться открывать ворота, и, наверняка, неуклонно придерживается своих принципов.

— Я всё же немного удивлён. Ле Чжунлю совершенно не горит желанием служить тебе верой и правдой, однако всегда готов помочь в достаточно серьёзных ситуациях. Скажи, почему он так быстро согласился?

— Он помогает не мне, он решил помочь тебе.

Не сразу поняв услышанное, Фэн Мин поморщил изящные брови, глубоко задумавшись.

Жун Тянь слегка коснулся его локтём:

— Городские ворота открылись. — И подбородком тихо указал в сторону городка.

И действительно, под светом луны ворота бесшумно приоткрылись.

Воздух стал напряжённым, словно кто-то медленно натягивал скрутившуюся струну, а кругом становилось ещё тише.

С течением времени щель стала постепенно раскрываться, пока в проёме не появилась до боли знакомая фигура.

Сердце Фэн Мина бешено забило в груди.

— Вперёд! — внезапно низко и кратко бросил Жун Тянь.

В зарослях раздались шорохи, неожиданно выскочил конь и заржал, разрывая ночную тишь. Сдерживаемое войско, что ждало в засаде, вырвалось и наперебой бросилось вперёд, покидая лес.

— На штурм города!

Огонь мигом осветил полог ночи, безумные языки пламени от опушки леса в один миг потянулись, достигая уже распахнутых ворот городка.

Фэн Мин, ещё не успев отреагировать, уже был схвачен Жун Тянем и усажен на коня.

Взволнованные лошади, почувствовав запах войны, непрерывно забили копытами, стрелой рванув к городу.

Разомлевши опираясь на ворота, Ле Чжунлю обратился к мимо мчащемуся и штурмующему город войску, махнув рукой:

— Помните, о чём мы с вами говорили: не убивать невинных. Людей мало, к тому же они не обладают физической силой, так как уже приняли моё одурманивающее снадобье.

К тому времени, как слова стихли, люди Жун Тяня уже ворвались внутрь.

Это был первый штурм города, который совершенно не походил на военную осаду.

Стража, как раз дремавшая наверху и под городской башней, проснулась от звуков сражения и, спешно бросившись к оружию, заметила, что у каждого руки обмякли и появилась слабость в ногах. Услышав новость о том, что люди императора Силэй Жун Тяня уже ворвались в Юэчжун, все солдаты Юнъинь поняли — продолжать сопротивление бесполезно.

Каждый прекрасно понимал: если городские ворота открыты, то и солдаты, словно лишившись доспехов и оружия, не смогут одержать победу.

Городская стена и местность — единственные укрепления этого города.

Жун Ху и Цзы Янь, не нарушая приказ императора Силэй, после осады города отдали распоряжение войскам не убивать пленных. Народ в спешке бросился по домам, и, действительно, в тиши ночи даже люди, бродившие по улицам, услышав шум, больше всего боялись куда-либо идти.

Нёсший караул на городской стене генерал Чжан Хуань вообще не сопротивлялся, а с достоинством принял захват и с горькой улыбкой покачал головой:

— Я ведь тогда знал, что следует открыть ворота. Того, кто вызовет недовольство Жун Тяня, будет ли ждать хороший конец? Но... как вам удалось ворваться в город?

Ле-эр с помощью кинжала рывком распахнул створки двери и, обыскав весь город вдоль и поперёк, с понурым видом вернулся доложить:

— Я не нашёл эту злобную женщину. Ага, конечно, услышав шум, она сбежала.

В Юэчжуне больших домов было немного, дом главнокомандующего считался достаточно неплохим, и Жун Тянь использовал его как временное пристанище.

Цзы Янь сказал:

— Мы ворвались в город и сразу же взяли под надзор главные и вторые городские ворота. Она, определённо, недалеко сбежала и, вероятно, прячется где-то в пределах города.

— Верно! Завтра перед рассветом я тотчас же обещаю семью за семьёй, попутно ещё объявлю денежное вознаграждение. Ох, не верю, что не получается поймать её. Цзы Янь, ты допросил пленных? Всё-таки как зовут эту женщину? — Ле-эр в нетерпении уже хотел было пойти писать объявление о вознаграждении.

— Её зовут Вэй Цюнян, она помощник генерала Юэчжуна.

— Ох, женщина, занимающаяся военным искусством. При одном взгляде на неё понимаешь,

что она и впрямь жестокая баба, к тому же наверняка высокая и мерзкая.

— Она перед тем, как пустить стрелу с городской стены, обмолвилась напоминанием, что показывает, как она храбра и чиста сердцем. — Однако Жун Тянь не сильно придал этому значения и, немного поразмыслив, рассмеялся: — Если поймаете, не нужно ранить её. В Юньинь редко встретишь такого мужественного полководца.

Фэн Мин, зевнув, спросил:

— А что нам делать дальше?

Жун Тянь уже обдумал этот вопрос:

— Пройдём это место и только через полдня пути доберёмся до границ Силэй. Однако этот городок крайне благоприятен, к тому же мало кто принимает его во внимание, наоборот, в этом красивом месте смогут спрятаться солдаты. Не мешало бы в этом случае найти способ подать сигнал, чтобы остальное наше войско собралось здесь.

Это решение всё же было неплохим, и Фэн Мин тоже кивнул, выражая понимание.

Цзы Янь, подумав, сказал:

— Но укреплённый город пал. Ручаюсь, что перед тем, как войско соберётся здесь, об этом узнают императорская семья Юн И и Жун Тун. Боюсь, это слишком легкомысленно.

Стоящий в стороне Фэн Мин вновь зевнул с усталым видом.

Жун Тянь, увидев это, спокойно рассмеялся:

— Время уже позднее, это мы обсудим завтра. Сейчас прежде всего нужно обеспечить, чтобы никто не покинул город и не донёс сведения.

— Насчёт этого государь может быть спокоен, Ваш подчинённый уже отправил людей строго охранять городские ворота. А в башне на городской стене находится смотровой, и если он что-то увидит, то непременно сообщит.

Жун Ху также сказал:

— Ваш подчинённый уже направил людей осмотреть окрестности за городом, и каждого, кто живёт рядом с Юэчжуном, уже привели в город.

Они ещё немного посоветались.

Цзы Янь отвечал за вопросы армии. Хотя и сторожевого войска Юэчжуна было мало, в конце концов только что подвергшись осаде, каждый вёл себя крайне осторожно: докладывали несколько слов и сразу же уходили проверять заставы.

Фэн Мин удивлённо спросил:

— Почему не видно Ле Чжунлю?

Жун Тянь возмутился:

— Этот человек очень странный, его довольно сложно понять. — И, потягиваясь, добавил: — Устал? Иди быстро мыться, когда вернёшься, дам тебе кое-что, что тебе понравится.

— Что именно?

Жун Тянь двусмысленно проговорил:

— Самую интересную вещицу, которую ты когда-либо видел. — На все вопросы Фэн Мина мужчина лишь лукаво улыбался.

Охваченный любопытством, юноша с помощью Цю Юэ и Цю Син спешно помылся, переоделся и благоухающий прибежал обратно:

— Я уже помылся, скорее раскрой свою тайну.

Отправив слуг, Жун Тянь уложил Фэн Мина в постель рядом с собой и, когда они остались вдвоём, низким тоном заговорил.

— Помнишь тот случай с «любовной кровью»? — касаясь губами мочки уха Фэн Мина, ласково спросил Жун Тянь.

Князь вздрогнул:

— Не о том ли яде, что придумала моя матушка, ты говоришь?

— Тогда у этого князя не было настроения. — Жун Тянь крепко обнял Фэн Мина, и, поцеловав юношу, странно улыбнулся: — Тогда возлюбленным нельзя было спать вместе. И этот император разве не предложил весьма блестящее решение?

— Какое такое решение? — Фэн Мин с сомнением посмотрел на Жун Тяня.

Выражение лица мужчины намекало на двусмысленность фразы.

— Именно то.

Фэн Мин выпучил глаза, чуть ли не роняя челюсть.

И юноша удивлённо уставился на Жун Тяня.

Конечно, как он мог забыть тот потрясающий способ, который тогда придумал император Силэй? Неужели этот человек смог сделать первый в истории презерватив?

Какой потрясающий и в то же время распутный мужчина!

— Ты... ты говоришь о... — проговорил юноша, чтобы убедиться в правильности своей догадки.

— Тогда я сразу же приказал их сделать. К сожалению, потом начался нескончаемый поток событий, и у нас совсем не было времени их использовать. В тот раз на корабле я хотел вытащить и испробовать их, но Цзы Янь, этот негодник, как назло, подпортил настроение. — Жун Тянь раскрыл ладонь, преподнося вещицу Фэн Мину, словно ценный подарок. Сам мужчина улыбался так, будто лис, готовый отведать лакомства. — Чтобы их сделать, использовали мягкие бараньи кишки. Они очень эластичные, и, когда их наденешь, то, конечно же, они подарят особые ощущения. Ну как, очень интересно?

Пристально смотрящие глаза Фэн Мина увеличились, став ещё больше напоминать медный колокольчик.

Какие занятные мысли в твоей голове!

Князь беспомощно схватился за голову и отчаянно закачал ею.

— Фэн Мин, не волнуйся так. Подожди, когда мы приступим к делу, тогда возбуждение не заставит себя ждать.

Этого распутного и невежественного государя волнует возбуждение?

«Небеса! Неужели мне было предначертано судьбой связаться с таким бессовестным развратником?»

— Фэн Мин, ты уже дрожишь от возбуждения. Очень хорошо, этот император знает, что время

от времени нужно баловать тебя какими-нибудь новыми игрушками. Чувствовать кожей очень интересно, а когда она обтянута бараньими кишками, появляется совершенно иной вкус.

— Я не хочу! — громко запротестовал Фэн Мин.

Но все его протесты, как обычно, не возымели действия перед этим извращенцем, к тому же его собственное тело было безнадежно. Ещё юноша был не в состоянии разобраться в себе, так как Жун Тянь, легко целуя его, уже полностью снял нижнее платье. Когда подушечки пальцев надавили на место под коленом, жар тотчас же охватил тело Фэн Мина.

Желание крепко обнять мужчину, казалось, появилось внезапно.

Губы или касания кончиков пальцев, принадлежащие лишь Жун Тяню, опьяняли, словно крепкое вино, парализуя все чувства Фэн Мина.

Чем ближе были прикосновения к плоти между ног, тем сильнее становились ощущения. Мужчина, хорошо зная своё дело[1], ввёл кончик пальца, словно использовал специальный пароль, чтобы открыть сладкие врата.

— У...

Приподнятое коленями одеяло, только впустив холод, дало внезапно ощутить прижимающуюся горячую плоть.

Бараньи кишки, что надевались на член, были крайне гладкими на ощупь. Надев их, Жун Тянь потёрся своим возбуждённым достоинством, намереваясь бесцеремонно войти.

Хоть он ещё и не вошёл, однако уже ощутил пульс внутри, который бился бесчисленное количество раз, передавая страх и панику, воскрешая в памяти яркие впечатления от проникновения и скольжения.

Медово-сладкий паралич, охвативший поясницу, не проходил. Анус сильно сжался, с нетерпением ожидая испытать иные невзгоды.

— Нет... — Фэн Мин прогнулся в пояснице, простонав низко и сдержанно, разрывая сладким голосом воздух.

— Действительно не хочешь? — Жун Тянь поддерживал его за голую спину, медленно выпрямляя свою, позволяя члену, что сейчас был обтянут своеобразным презервативом, тереться о складки ануса, заставляя Фэн Мина ощутить жар и длину, и заботливо проговорил: — Если действительно не нравится, то я лучше сниму.

Закусив нижнюю губу, Фэн Мин выглядел крайне трогательно.

Бараньи кишки приносили с собой незнакомое и возбуждающее чувство, Жун Тянь передавал ему желание и восторг, почти сжигая.

«Неужели я тоже ненормальный?» — беспомощно думал Фэн Мин.

Талия выгибалась, и хоть мужчина ещё не вошёл в него, сладостное чувство тем не менее уже как наркотик разлилось по телу. Возможно, Жун Тянь был прав, говоря, что иногда некоторые проделки могут возбуждать.

— Хорошо, я сниму, — низким и ласковым голосом проговорил Жун Тянь, обдавая горячим воздухом кожу.

Фэн Мин, словно маленькое существо, которое вот-вот зажмут, от одного шёпота обвил ногами крепкую поясницу мужчины и, слегка приоткрыв глаза, мутным взглядом посмотрел на него.

Это несомненно являлось недвусмысленным ответом.

Коварный план удался, и на губах Жун Тяня появилась дьявольская улыбка.

— Я знал, что тебе понравится.

Большой член растягивал сокращающиеся мышцы до максимума и по мере того, как он глубоко проникал в слизистую оболочку, Фэн Мин сильнее запрокидывал голову, а прерывистые стоны срывались с влажных губ.

— Ты внутри ещё теснее сжимаешь меня.

Хорошо знакомые движения смешивались с шелковинкой стыда и незнакомым возбуждением.

Ощущения внутри несколько изменились от медленного и глубокого проникновения в узкий проход твёрдого ствола Жун Тяня, обхваченного мягкими и упругими бараньими кишками. От выходящей от трения смазки развратные звуки становились всё громче.

Держа белоснежные бёдра и раскрывая их ещё больше, Жун Тянь изменил угол проникновения, специально усиливая трение внутри, заставляя чувствительного Фэн Мина звонко закричать.

— Очень горячо? — Источая мужской аромат, мужчина обдал горячим воздухом губы юноши.

— М...

— Чувствуешь, как он увеличивается внутри? — Жун Тянь рассмеялся, медленно двигая поясницей.

После того, как движения стали медленными, ощущения, наоборот, ещё усилились.

Прерывистые стоны были полны желания, Фэн Мин так застеснялся, что прикрыл лицо руками, но Жун Тянь убрал их и кончиком языка скользнул по переносице.

— Глупый, до сих пор стесняешься? — с чрезмерной любовью проговорил мужчина.

Частота вхождения начала увеличиваться.

Жун Тянь поддавался назад, а затем входил с каждым разом всё сильнее, словно леопард заглатывал жертву живьём и обдирал заживо. Безумие смешивалось, возбуждая расслабленный кишечник. Мужчина больше не выглядел серьёзным, а желание беспрестанно передавалось лежащему под ним любовнику. По мере того, как он ускорял темп, тяжёлое дыхание Фэн Мина постепенно из хаотичного стало прерывистым.

— Жун Тянь! Жун Тянь! А-а... Ещё немного глубже...

К тому времени, когда уже сдержанность была позабыта, Фэн Мин изо всех сил выгибался всем телом, а короткие влажные волосы на лбу вслед за его безумием качались и подлетали в воздухе.

Стройное тело выгибалось до отказа, пальцы ног тоже возбуждённо начали сжиматься.

Небо и земля словно раскачивались. От соития и страстного скольжения получался вязкий и громкий звук, вгоняющий в краску стыда.

Все чувства сосредоточились лишь в странной крошечной точке, которую безостановочно таранил член Жун Тяня.

Наконец Фэн Мин зашёлся в мучительно-сладком крике:

— А-а... Жун... не... не могу!

Возбуждённая дрожь пробежала по влажной от пота спине, тёплая жидкость внезапно брызнула, замочив нижнюю часть живота мужчины.

Жун Тянь тоже как раз излился и, издав протяжный вздох облегчения, по-прежнему не выходя, лёг рядом с Фэн Мином, крепко обняв того сзади.

Словно витая в облаках, после соития отзвуки ещё долго не рассеивались, а дыхание, источающее запах страсти и аромат пота, переплелось вместе.

Фэн Мин короткое время был рассеянным.

— Понравилось? — спросил на ушко Жун Тянь.

Князь медленно и едва слышно «угукнул», немного повернувшись и прижавшись щекой к груди Жун Тяня. Здоровое биение сердца приятно проникало в уши, словно ожесточённо заявляя на продолжение.

И впрямь мужчина вновь прижался к ушку Фэн Мина и низко засмеялся:

— Попробуем ещё раз?

Фэн Мин хотел ответить, но снаружи внезапно донёсся голос:

— Ваше Величество, князь Мин!

Да не может быть...

Почему каждый раз кто-то портит настроение?

Не говоря уже о Фэн Мине, даже Жун Тянь едва не закатил глаза.

Звук шагов Ле-эра раздался уже за дверью:

— Государь спит?

Князь локтем пихнул Жун Тяня:

— Это должно быть нечто важное, нельзя притворяться спящим. — И Фэн Мин передвинулся.

Возможно, после секса вход в кишечник был несколько покрасневшим и припухшим, а скольжение большого члена Жун Тяня ощущалось ярко, заставляя лицо покрыться румянцем.

Мужчина тихо вздохнул в восхищении и вынужденно поднялся с кровати:

— Что случилось? — Взяв у изголовья подготовленное чистое махровое полотенце, мужчина помог Фэн Мину мягко вытереться, и, взяв другое полотенце, он вытер себя.

— Хорошо, что государь ещё не спит. В таком случае князь Мин, должно быть, тоже? — голос Ле-эра был несколько взволнован. — Я специально пришёл сказать, чтобы князь Мин пошёл и посмотрел. Ведь дело крайне важное! Ле Чжунлю жестоко избили.

— Что? — Фэн Мин, сев в кровати, небрежно взял халат, накинул на тело и, подойдя к окну, чтобы выведать всё, высунул голову. — Кого, ты только что сказал, жестоко избили?

— Ле Чжунлю! — проговорил Ле-эр, ликующе размахивая руками. — Ах, действительно замечательно! Я как только увидел, сразу же побежал докладывать князю Мину. Такое редко увидишь, жаль будет пропускать.

Фэн Мин, увидев его лицо, смутился и вновь спросил:

— Где? Кто избил?

— В его комнате ужасная драка. Кто его бил, я не знаю, я лишь увидел и побежал искать князя Мина. Не имеет значения, женщина ли его била несколько раз, но это не смертельно, — проболтался Ле-эр. Незачем было гадать, юноша, несомненно, пришёл сюда с одной целью — повеселиться.

Будучи не таким злорадным, как Ле-эр, Фэн Мин обеспокоенно проговорил:

— Тебе лишь бы веселиться. Не выйдет, скорей иди посмотри. Ле-эр, правда, почему бы тебе не пойти и не уговорить их прекратить? — Поспешно накинув верхнюю одежду, юноша схватил Жун Тяня и помчался во временно отведённую комнату Ле Чжунлю.

За совершённые подвиги император Силэй приказал расположить мужчину в крытой комнате, расположенной на севере и обращённой фасадом на юг, соответствуя изысканности и уюту.

Втроём они добежали до временного жилища Ле Чжунлю, и впрямь, подходя к нему, они тотчас же слышали звуки.

В комнате мужчина плакал и кричал, непрерывно прося пощады:

— Не бей! Не бей! У-у, ты снова ударила меня по лицу, у-у...

Цю Юэ и Цю Син, эти сёстры-красотки, неизвестно как узнали о новостях, но неожиданно пришли раньше них и, сунув лица в оконце, с улыбкой подсматривали. Даже Жун Ху спешно пришёл.

Всем было весело и все были удивлены. Фэн Мин добежал до двери, однако обнаружил там медный замок.

Оказалось, что Ле Чжунлю — кто бы мог подумать! — заперли и жестоко избивали в комнате.

Ле-эр и Фэн Мин, не сговариваясь и последовав примеру Цю Син и Цю Юэ, опёрлись грудью на окно, чтобы подсмотреть. Заглянув в комнату, кроме мужчины, они увидели облачённую в белое одеяние красивую женщину. На голове у неё была накидка, похоже, она ещё не успела собрать волосы, рукава были засучены до предплечья, на лице застыл гнев, а сам Ле Чжунлю, обхватив голову, бегал в панике, как мышь, и истошно кричал:

— Не смей! У-у... Не смей! Почему бы тебе не выслушать, что я скажу? Не бей, у-у... — Не успев заплакать, мужчина получил удар в живот и пинком был отброшен в угол.

Цю Юэ и Цю Син неоднократно подвергались приставаниям Ле Чжунлю, поэтому с весельем наблюдали за происходящим, чуть ли не падая от смеха:

— Наверное, это он, как раз войдя в город, сразу же пристал к простой девушке, а сейчас получает по заслугам. Ха-ха, у Небес есть глаза!

Фэн Мин тоже не мог сдержаться и украдкой смеялся. Он, можно считать, был немного совестливым и, увидев, что Ле Чжунлю жестоко избит, обернулся и сказал Жун Тяню:

— Скорей найди людей, чтобы открыть дверь и примирить их.

Ле-эр проговорил:

— Я сам всё сделаю.

Прячущийся в комнате Ле Чжунлю, рассчитывая на четвереньках взобраться на кровать, услышал слова Фэн Мина и от испуга выкрикнул:

— Ни в коем случае нельзя открывать дверь! Ни в коем случае!

Однако было уже поздно. Ле-эр мог воровать кур и искать собак[2]: так как наружный медный замок был обычным, юноша вынул из-за пазухи разветвлённую тонкую палочку и повернул её таким образом, что медный замок с лёгким лязгом сразу же открылся.

Фэн Мин, взяв замок, собирался открыть дверь в комнату. Неожиданно с другой стороны в дверь с силой ударили, откидывая юношу. Он ойкнул и повалился на спину, к счастью, Жун Тянь своевременно отреагировал и крепко схватил его, не позволяя упасть на пол.

Толпа остолбенела: женщина уже ринулась вперёд, выскакивая из комнаты, позволяя нескольким людям увидеть своё лицо, которое было очень красивое, необычайно деликатное и, в сравнении с ликом Цю Лань, оказалось меньше, словно выгравировано Небом. Люди, которые впервые видели её, тотчас же невольно влюбились всем сердцем и душой.

Однако её движения с обликом были в корне противоположные, они были грубыми. Ногой пнув дверь, женщина посмотрела на чуть не упавшего Фэн Мина и, пользуясь тем, что Ле-эр пока не отреагировал, сделала шаг вперёд.

— У!

Вытянув руку и вытащив кинжал, что был за поясом Ле-эра, она развернулась и вновь вернулась в комнату.

Понимая, что это очень большое дело, толпа в один голос воскликнула: «Осторожно!» — и один за другим ворвалась в комнату.

Тогда женщина, словно не слыша, подняла кинжал и бросилась на Ле Чжунлю, чтобы раскроить ему голову. Жун Тянь успел своевременно отреагировать: приглушённо прокричал и ладонью схватил руку, в которой женщина держала оружие. Жун Ху, воспользовавшись случаем, единолично схватил избитого болвана Ле Чжунлю и вытащил его из-под тени лезвия.

Ле-эр, сделав огромный прыжок, отвоевал собственный кинжал.

С большим трудом уцелевший, мужчина, задыхаясь, проговорил:

— Я... я тогда... тогда говорил, чтобы не открывали дверь. — Боясь быть избитым, он не осмелился вновь рисковать, поэтому высунул из-за спины Фэн Мина полуопухшее лицо, трусливо посмотрел на красавицу и, заискивая, как бы прося прощения, проговорил: — Же... жена, не нужно снова меня бить. Я толстокожий, мясо грубое, твоим рукам тоже... тоже может быть больно, так ведь? Же... жена, ты... скажи что-нибудь.

Женщина словно уже выпустила гнев, что охватывал грудь. На лице проявилась шелковинка беспомощности, её круглые, словно кошачьи, зрачки с холодом смотрели на Ле Чжунлю очень долгое время, а потом её ресницы задрожали, и две слезинки соскользнули с глаз. Она однако не рыдала в голос, лишь вздохнула и шёпотом проговорила: «Убей меня». Её голос был полон уныния и холода.

Ле Чжунлю очень удивился и, внезапно подпрыгнув, сказал:

— Я не хочу убивать тебя! Я не хочу убивать тебя! Тебе ни в коем случае нельзя искать смерти, если ты умрёшь, я тоже умру!

Ле-эр также внезапно начал скакать:

— Это она, это она! Тот помощник генерала, это она! Я узнал её голос! Это она стрелял в государя, старший брат, скорее свяжи её! — И, вытянув палец, указал на супругу Ле Чжунлю.

— Кто осмелится связать её, с тем я буду драться! — неожиданно прорычал в ярости мужчина, обращаясь к Ле-эру.

Злобный взгляд юноши и взбудораженный взгляд Ле Чжунлю столкнулись в воздухе, выбивая искры.

Тяжёлое дыхание в доме раздавалось непрерывно.

Голова болит...

Фэн Мин обернулся и посмотрел на Ле Чжунлю, потом повернулся и взглянул на лицо Вэй Цюнян, его лоб начал смутно побаливать.

Хорошо, до этого, помнится, он плакал в голос у городской стены, а сейчас в этот список попал поиск собственной жены. Ле Чжунлю действительно многогранная и яркая личность.

Только сейчас самое важное... Почему такое ощущение, словно что-то не так?

Фэн Мин задумался и, внезапно вспомнив кое-что, громко стукнул себя по лбу и тотчас же жалобно пискнул: «Плохо дело!» Он обернулся, посмотрел на Жун Тяня, выглядя так, будто ему не терпелось умереть.

Мужчина увидел его дрожащим, глаза на этот раз округлились, и, также понимая, что дело очень важное, Жун Тянь, понизив тон, спросил:

— Фэн Мин, что случилось?

Толпа вздрогнула от испуга, и взгляды, что до этого были обращены в сторону Ле Чжунлю и Вэй Цюнян, один за другим упали на юношу, а люди неоднократно спрашивали:

— Князь Мин, что стряслось?

Лицо Фэн Мина было таким, словно его обмакнули в тарелку с краской: синий, красный,

бордовый — каких только оттенков на нём не было. Юноша застыл на мгновение, внезапно схватил подол одежды Жун Тяня и спешно, как только можно, потащил его обратно в их комнату. Открыв пинком дверь, юноша осмотрелся — никого, вновь осторожно закрыл окно, и лишь тогда обернулся и, задыхаясь от злости, спросил мужчину:

— Когда ты только что вытирал себя, было что-нибудь не так?

Жду Тянь, нахмутив брови, проговорил:

— Ничего, всякий раз не одинаков... А... — Он внезапно пришёл в себя, странно посмотрел на нижнюю часть Фэн Мина и принял вид, который говорил «дела приняли дурной оборот». — Плохо дело... Когда только что вытирался, кажется, не увидел бараньей кишки. Возможно, слишком глубоко вогнал внутрь, где она и соскользнула.

Вид Фэн Мина был ещё сквернее.

Сконфуженное красивое лицо исказилось, чуть ли не треща по всем швам.

— Как такое могло случиться? — Фэн Мин просто хотел пойти и убиться об стену.

Ничего удивительного, что снизу охватывало крайне странное чувство.

С древности и до настоящего времени первый презерватив, кто бы мог подумать, из-за неправильного использования соскользнул и остался в нём...

От этого обстоятельства действительно лучше умереть.

Вот что значит остаться с одним бессовестным извращенцем!

Воздаяние по деяниям!

Жун Тянь приподнял насупившиеся брови:

— Или это из-за того, что в первый раз отверстие было недостаточно тугим, когда кончил, она соскользнула и осталась внутри. Не бойся, я сейчас же помогу тебе её вытащить.

— Жун Тянь, — Фэн Мин вытер влажные глаза, свирепо уставился на мужчину и, скрежеща зубами, предупредил: — Если осмелишься украдкой хихикать, я никогда не прощу тебя!

— Как я могу смеяться над тобой? Иди сюда, позволь помочь тебе.

— Нет! Я убью, но не позволю тебе вновь приближаться ко мне даже на полшага.

— Фэн Мин, будь паинькой, раздвинь ноги.

— Нет! Нет! Нет! Проваливай!

— Да, кстати, ты говоришь, что эта вещица внутри, но сможешь ли ты почувствовать разницу, если сам собираешься её достать? Во всяком случае, сегодня ночью будет достаточно времени...

— Жун Тянь, ты... На помощь! На помощь! Цю Син, Цю Юэ, Цю Лань, Жун Ху, Ле-эр, скорее сюда!

Голос князя Мина из Силэй, надрывно звавший на помощь, вновь и вновь эхом отзывался в ночном небе.

Толпа, что тревожилась внезапному уходу двоих влюблённых, услышав крики, не сговариваясь, вздохнула с облегчением:

— Не беспокойтесь, князь Мин кричит так бодро, несомненно, это дело — пустяк.

— Угу, когда князь Мин кричит «на помощь», никому ни в коем случае нельзя входить и тревожить. — И люди проявили крайнюю тактичность.

Ле-эр нацелил палец на Вэй Цюнян:

— Однако что делать с этой женщиной, стрелявшей в государя?

Жун Ху, пока тот не ожидал, отвесил младшему брату подзатыльник:

— Зачем так кричать? Хорошо бы сначала позвать часть охранников и пусть за домом следят, а остальное пусть государь решит завтра. Ты много чего натворил. Прекрасно зная, что Его Величество и князь Мин отправились отдохнуть, всё же притащил князя Мина поглазеть на шумиху. Берегись, государь может приказать несколько десятков раз отхлестать тебя плетью. Когда только твой горячий и взбалмошный характер станет сдержаннее?

Ле-эр, притронувшись к больному затылку, недовольно проговорил:

— Старший брат, женился и оставил жену в покоях, тотчас же покинув великолепные стены. Имея Цю Лань, ты бьёшь меня?

Цю Юэ и Цю Син смотрели, откровенно смеясь.

Светлая луна была на небе.

Крики Фэн Мина о помощи не утихали, иногда из комнаты доносились звуки шлепков.

Первая глубокая ночь в Юэчжуне была переполнена волнением и нежностью...

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «ехать на лёгком [экипаже] по знакомой [дороге]», обр. в знач.: делать хорошо знакомое дело.

[2] Обр. в знач.: а) воровать; б) вести бесчестный образ жизни; заниматься втихую любовными делами.

<http://bllate.org/book/13377/1190195>